

© 1998 г. Е.Э. БАБАЕВА

КТО ЖИВЕТ В ВЕРТЕПЕ, ИЛИ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛОВА*

Отшумит век, уснет культура, переродится народ, ...и весь этот поток увлечет за собой хрупкую ладью человеческого слова в открытое море грядущего, где нет сочувственного понимания, где свежий ветер вражды и пристрастия современников заменяется унылым комментарием.

О Мандельштам

ВВЕДЕНИЕ

Семасиологические исследования могут быть выдержаны в жанре "портрета" (синхрония) или в жанре "биографии" (диахрония). Лингвистическое портретирование как особая методика синхронного описания лексем возникла в лексикографии сравнительно недавно¹. Что же касается описания "биографии" слов, то, хотя само слово "биография" не носит терминологического характера, жанр "история слова", развившийся помимо лексикографической практики, является достаточно традиционным для русского языкознания, хотя и принципиально нестрогим. Историческая же лексикография стремится, прежде всего, по возможности полно описать весь набор зафиксированных для каждого слова значений. Иначе говоря, словари, традиционно относимые к "историческим", тяготеют скорее к жанру "портрета" (хотя использующиеся в них методы "портретирования" в значительной степени в силу объективных причин, уступают по разработанности методам, использующимся в синхронии).

Поскольку "биография" слова невозможна без предварительного "портретирования", а объяснение особенностей функционирования слова на каждом синхронном срезе может быть значительно обогащено, если учитывать его "биографию", разрыв между синхронией и диахронией в области лексической семантики представляется искусственным, вызванным требованием теоретической и практической разработки ее отдельных аспектов. Вместе с тем, очевидна уже назревшая необходимость последовательного сближения синхронных и диахронных семасиологических исследований.

I. ФАКТОР ВРЕМЕНИ

Как отмечал Н.И. Толстой, "при определении значения современного литературного слова исключается или сводится к минимуму фактор времени и пространства", тогда

* Работа выполнена в рамках проекта, получившего финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда (№ 95-06-17330).

Автор признателен Ю.Д. Апресяну и Е.В. Урысон, которые ознакомились с данной работой в первоначальном варианте и поделились ценными наблюдениями, касающимися проблематики семасиологических исследований.

¹ Впервые термин "портретирование" использовал А.К. Жолковский [Жолковский 1964]; данное направление активно развивалось в последующие годы, ср., например, в отечественной лингвистике [Мельчук, Жолковский 1984; Иорданская, Паперно 1996; СИ 1991; НОССРЯ 1997].

как "при определении исторического значения слова, т.е. значения слова, зафиксированного в памятниках, фактор времени присутствует в рамках, устанавливаемых хронологическими границами памятника, исследования или словаря" [Толстой 1997: 114].

Если термин "литературный", применительно к современной русской языковой ситуации, действительно, в определенном смысле устраняет фактор пространства (т.е. позволяет в целом игнорировать диалектное членение языка), то термин "современный" оказывается, в соответствии с его внутренней формой, скорее связанным с фактором времени, чем противопоставленным ему.

Практически лексикографирование лексемы (т.е. слова, взятого в одном значении) на синхронном уровне предполагает включение фактора времени, что отражается, например, в фиксации ограничений на реализацию значения, актуальной для лексемы на данном временном срезе (особенности лексической или семантической сочетаемости²), а также в наличии специальных помет (например: устар., арх., стар. и др.), характеризующих место лексемы в лексической системе языка.

Аналогичные функциональные запреты или ограничения прослеживаются и в том случае, когда речь идет об "историческом значении слова", как его понимает Н.И. Толстой, т.е. если анализируется значение лексемы внутри языковой системы, отстоящей от современности на временной шкале (на ином синхронном срезе). В этом случае единицы текста (ряда текстов) рассматриваются внутри заданных хронологических границ (языкового континуума) как принадлежащие одной системе³. Вместе с тем, несмотря на то, что общие принципы описания лексем (т.е. анализа контекстов употребления, классификации этих контекстов, поиска адекватного толкования) остаются в целом неизменными при обращении к прошлому (диахронии), нельзя не отметить, что суждения относительно лексем, функционировавших в более или менее отдаленные эпохи, носят в значительной степени принципиально гипотетический характер, поскольку действуют такие, например, факторы, как относительная репрезентативность значения в зафиксированных письменных (и устных) употреблениях или сложность адекватной реконструкции для каждой эпохи лингвистического и экстралингвистического контекста.

Значение "временного фактора" еще более усиливается при лексикографировании слова. Описание слова как такового (т.е. определенного набора лексем) не меньше (а может быть, и больше) апеллирует к диахронии, чем к синхронии⁴.

Упорядочение значений, необходимое при описании слова, предполагает, во-первых, что некоторые значения менее актуальны для заданных хронологических рамок. Если такие значения преобладают, то становится очевидным, что слово в целом продвинулось из центра системы в его периферию (из активного запаса в пассивный). Во-вторых, перечисление значений предполагает, что между ними существует некоторая связь. Эта связь может эксплицироваться при помощи толкований⁵. В русской

² См., например, описание современной лексемы *порожний* 'такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать', в котором отмечается процесс сужения семантической сочетаемости лексемы (до одного класса имен существительных, а именно "названий грузовых транспортных средств") в сравнении с литературным языком XIX в. [НОССРЯ 1997: 299–300].

³ Так, например, лексема *городить* 'строить, возводить' (Жерди возят черти, хотя ад *городить* (посл.)) на протяжении древнерусского периода и в XVIII в. реализовывала свое значение только в сочетании со словами, обозначающими загрождение (например, *город*, *град* в значении 'стена'). Конкурировавший с ним глагол с неполногласной основой *градити* использовался собственно в значении 'строить' (*градити забор, дом, монастырь* и т.д.).

⁴ В этом смысле словарь современного русского языка принципиально ничем не отличается от словаря языка XVIII в. Само по себе задание хронологических рамок (т.е. опять же временной фактор) является частью концепции любого словаря. С этой точки зрения словарь языка XVIII в. в меньшей степени "историчен", поскольку его хронологические рамки уже.

⁵ Задача словарного описания структуры многозначного слова относится к числу традиционных для лексикографии. Существуют разные принципы ее решения, ср., например, описание значений слова *свинья* в [Мельчук, Жолковский 1984: 722–725], в котором учитывается такой важный для развития многозначности фактор, как наличие устойчивых коннотаций, связанных с объектом номинации. Из недавних работ,

лексикографической практике значительно чаще эта связь фиксируется не столько в системе толкований, сколько в последовательности подачи значений⁶. В основу нумерации (иерархизации) значений могут быть положены разные принципы (например, первым может указываться наиболее распространенное значение или же то, от которого образованы последующие, и др.), однако любой из них так или иначе оказывается связанным с фактором времени и с идеей семантического развития слова⁷.

Наличие связи между значениями многозначного слова является фактом синхронии, вместе с тем, объяснение этой связи – прерогатива диахронии. Деление значений внутри слова на производящие/производные (выражающееся, например, в наличии помет перен., метаф.) демонстрирует связанность синхронных и диахронных процессов еще и потому, что любой семантический сдвиг осуществляется внутри движущейся во времени языковой системы и в соответствии с уже действующими языковыми механизмами. Фиксация семантического сдвига, возможная именно при описании слова (т.е. при сравнении отдельных значений), является не только и не столько "портретной" чертой, сколько данью истории языка.

II. ВЕРТЕП: ГИПОТЕЗА О СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЛОВА

При лексикографировании значений слова внутри заданных хронологических рамок происходит искусственный обрыв истории функционирования слова, когда игнорируются употребления, относящиеся к временному срезу до нижней или после верхней заданной хронологической границы, либо те и другие. По этой причине слово в целом иногда предстает как искусственный конструкт, в котором внутренние связи сильно затемнены.

Поскольку описание значений слова не предполагает целостного анализа его внутренних связей, структура одного и того же слова может быть представлена в различных толковых словарях (описывающих один и тот же синхронный срез) с некоторыми разночтениями. Так, слово *вертеп* в хронологических рамках "современный русский язык", в МАСе толкуется следующим образом:

ВЕРТЕП, -а, м. 1. Устар. Пещера. *Когда-то в старину, Лев с Барсом вел продолгую войну За спорные леса, за дебри, за вертепы.* И. Крылов, Лев и Барс. 2. Убежище преступников, развратников; притон. *Я попал в один из вертепов, вроде притона "на бойком месте" в драме Островского.* Короленко, История моего современника... 3. Распространенный в старину передвижной кукольный театр для представления пьес религиозного и светского содержания. *В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами.* Гоголь, Вий [МАС 1981: 152].

Ср. в словаре Д.Н. Ушакова: "[церк.-слав. первонач. пещера]. 1. Притон, место

в которых используется данный прием, см., например, толкования значения слова *небо* в [СИ 1991: 176–184; автор Е.В. Урысон]: небо 1.1 (На небе показались первые звезды) 'воздушное пространство высоко над землей, днем в ясную погоду синего или голубого цвета, как бы ограниченное куполом, накрывающим землю, который зрительно воспринимается как местоположение светил, выше которого ничего нет'; небо 1.2 (небо X–а: Небо Италии) 'небо 1.1, обычный вид которого в стране или местности X как бы определяет общий дух X–а'; небо 2.1 (Ее душа теперь на небе) 'часть потустороннего мира, где Бог общается с пребывающими там ангелами и душами умерших святых и где душа не ощущает ничего, кроме высшего блаженства – нечто высшее, противопоставленное земле как неизменному – как бы небо 1.1 по коннотации 1'; небо 2.2 'высшие силы, пребывающие на небе 2.1'.

⁶ Существует возможность принципиального отказа от отражения иерархии значений (так называемое "тире Срезневского").

⁷ Ср. определения лексикографических методов у Касареса, в которых фигурируют одни и те же понятия: в соответствии с "эмпирическим" методом, статья начинается "наиболее распространенными, наиболее современными, в рамках общенародного языка, значениями... и кончается значениями слова в жаргонном употреблении и специальными терминологическими", а согласно "историческому" методу "сначала дается этимология слова, затем наиболее близкое к ней значение, даже если оно неупотребительно, и, наконец, все другие значения слова, причем последнее место отводится современному и наиболее распространенному" [Касарес 1958: 80, 83–84].

разврата и преступлений (книжн.). 2. Ящик с марионетками для представления драмы на евангельский сюжет о рождении Христа (этногр., театр.). 3. Самое это представление (театр., этногр.)" [Ушаков 1994: 255]⁸ или в словаре С.И. Ожегова: "1. Притон преступников, развратников (устар.). 2. Большой ящик с марионетками – место кукольных представлений на библейские и комические сюжеты (стар.)" [Ожегов 1990: 79; аналогично в Ожегов, Шведова 1997: 75].

Таким образом, согласно МАСу, первое значение является устаревшим (оно опущено, т.е. выведено из числа современных, в словаре Ожегова, и приписано другой лексической системе – церковно-славянскому языку – в словаре Ушакова; отметим еще, что в БАСе зафиксировано его подзначение "овраг" [БАС 1991: 193]), а третье признано историзмом (обозначает предмет, "распространенный в старину"; словарь Ожегова оформляет этот фрагмент толкования специальной пометой, в словаре Ушакова это значение, а также выведенное из него следующее признаются свойственными современной профессиональной подсистеме). Единственное современное, по МАСу, значение (не имеющее никаких помет и толкование которого не включает суждений, носящих ограничительный характер) в словаре Ушакова рекомендовано как книжное, а словарем Ожегова отнесено к устаревшим⁹.

В принципе, возможно опустить нижнюю границу хронологических рамок до XI в. Если обратиться к "Словарю древнерусского языка XI–XIV вв.", то окажется, что слово *вертеп* в это время обладало только одним значением: "пещера" [Сл.др.-русс. 1989: 267–268]. Учет более широкого круга фиксаций приведет к наращению значений¹⁰. В самом общем виде список значений, согласно данным словарей, будет выглядеть так:

- пещера: Сл. др.-русс. XI–XIV вв.; СлРЯ XI–XVII вв.; Сл. рус. яз. XVIII в. (с пометой "слав."); Сл. Ушакова (с пометой "ц.-сл.", "первонач."); МАС, БАС (с пометой "устар.");
- овраг: СлРЯ XI–XVII вв. (как подзначение для 'ущелье'); Сл. рус. яз. XVIII в. (объединено со значением 'ущелье' с пометой "обл."); БАС (как подзначение для 'пещера');
- ущелье: СлРЯ XI–XVII вв.; Сл. рус. яз. XVIII в. (объединено со значением 'овраг' с пометой "обл.");
- впадина: Сл. рус. яз. XVIII в. (как подзначение для 'ущелье, овраг', с пометой "геогр.");
- сад: СлРЯ XI–XVII вв.;
- склеп, гробница: СлРЯ XI–XVII вв.;
- тайное убежище, притон: СлРЯ XI–XVII вв.; Сл. рус. яз. XVIII в. (как подзначение 'пещера'); МАС; БАС; Сл. Ушакова (с пометой "книжн."), Сл. Ожегова (с пометой "устар.");
- место обитания, укрытия: Сл. рус. яз. XVIII в. (как подзначение 'пещера');
- жилище, пристанище: Сл. рус. яз. XVIII в. (как подзначение 'пещера', с пометой "перен.");
- переносной кукольный театр для представления на святках сцен на библейские темы: Сл. рус. яз. XVIII в. (с пометой "юго-зап."); МАС; БАС; Сл. Ушакова (с пометами "этногр., театр."); Сл. Ожегова (с пометой "стар.");

⁸ Последнее значение как подтип предыдущего выделено и в БАСе [БАС 1991: с. 193].

⁹ В целом, анализируя систему значений данного слова, представленную в словарях, можно предположить, что оно относится к периферии современного языка. Следствием этого является "интуитивное" употребление слова в контекстах, сохраняющих некоторую "память" о нем, ср., например, у Б. Пастернака "И холодно было младенцу в *вертепе* // На склоне холма...". Еще более показательно использование слова в названии статьи И. Шевелева (Общая газета, № 49, 11–17 декабря 1997 г.) "Вертеп искусств", в данной статье *вертепами* названы картинные галереи, развернутые во время ярмарки "Арт-Манеж-97". В данном окказиональном употреблении активизируется представление о зрелищности, балаганности, т.е. о вертепе как составляющей народного гуляния.

¹⁰ Ср. [СлРЯ XI–XVII 1975: 97–98; Сл. рус. яз. XVIII 1987: 50–51].

— святочное представление на библейские сюжеты в кукольном театре: БАС (как подзаглавие для 'переносной кукольный театр...'), Сл. Ушакова (с пометой "этногр., театр.").

К этому списку следует прибавить еще значение 'навес над стойлом (яслями)', описанное В.В. Владимирской в специальной статье, посвященной истории данного слова [Владимирская 1968: 28–40].

Перечисленные значения можно объединить в следующие большие зоны в зависимости от типа обозначаемых реалий: 1) природные объекты, 2) некие природные (место) или искусственные объекты (помещение), использующиеся в специальных целях (чтобы жить, чтобы прятаться, чтобы хоронить), 3) объекты, относящиеся к сфере быта и культуры.

На основе приведенных в этих словарях толкований разграничение отдельных значений представляется довольно затруднительным. Действительно, не совсем понятно, как, анализируя разного рода контексты, проводить границу между, скажем, значениями 'овраг' и 'ущелье' или объединенным значением 'овраг и ущелье' и значением 'впадина'. Обычная практика состоит в описании, прежде всего, контекстов, где объект более-менее ясен (т.е. значение выводится из современных экстралингвистических знаний об объекте и из общего смысла фразы), тогда как существует множество контекстов, "закрытых" для точного понимания того, о каком, собственно, объекте идет речь¹¹.

Вместе с тем, оставаясь в рамках данных толкований, оказывается практически невозможным установить логическую и генетическую связь между всеми значениями. Констатируется лишь наличие некоторого ряда употреблений, зафиксированных внутри заданных хронологических рамок, иначе говоря, фактор времени, учтенный в словарях, реализуется как статический. При статической представленности фактора времени толкования в лучшем случае позволяют провести лишь сравнение минимальной пары из двух значений с целью обнаружения семантического "мостика" между ними (например, 'пещера' ⇒ 'место обитания').

Семантическая история слова, в отличие от истории фиксации его значений на разных хронологических срезах, подразумевает подход к фактору времени как к динамическому началу. Это означает, что должна быть создана гипотеза о том, как происходило движение от одного значения к другому (или другим) внутри структуры слова.

Попытка выявить движение семантики, оставаясь в рамках традиционных словарных толкований отдельных значений, часто приводит к прилизистности результатов. Так, например, Г.А. Ильинский, считая значение 'пещера' вторичным, предполагал, что слово первоначально обозначало 'извилистый овраг, пропасть или ущелье'. Эта гипотеза вызывает множество вопросов (например, может ли овраг быть неизвилистым и предполагается ли наличие отдельной номинации для такого объекта и т.д.). Оценивая соображения Ильинского как "гадательные", В.В. Виноградов пишет: «Народно-областные значения "овраг, провал, ущелье" тесно связаны со значением "пещера". Они являются его видоизменением» (полемику между В.В. Виноградовым и Г.А. Ильинским см. в [Виноградов 1993: 76–77]). Если первое суждение трудно отрицать (хотя оно основано на нашем знании о том, что данные объекты имеют нечто общее), то очевидно, что второе суждение требует доказательств (почему 'овраг' признается видоизменением 'пещеры').

¹¹ Отметим, что словари, описывающие элементы отстоящих от нашего времени синхронных срезов, при формулировке значений часто учитывают судьбу слова в языке. В СлРЯ XI–XVII вв., например, значения, которые исчезли из языка "вместе с реалиями, понятиями, обычаями, верованиями", получают описательное толкование; другие, сохранившиеся в языке, но использующиеся со значительным сдвигом, "раскрываются путем перевода на современный язык"; наконец, третьи, не претерпевшие больших изменений, определяются "посредством современного материально тождественного слова" [СлРЯ 1971: 8–9]. Ср. аналогичные принципы в Сл. др.-русс. XI–XIV вв. [Сл. др.-русс. 1988: 13] или градацию "разрядов лексики" в Сл. рус. яз. XVIII в. [Сл. рус. яз. XVIII 1984: 28–29].

Необходимой (но не всегда достаточной) базой для построения такой гипотезы является апелляция сразу ко всем зафиксированным в разное время значениям. При сравнении трех условно выделенных выше групп значений можно предположить, что номинации, относящиеся к природным объектам, превосходят по древности прочие. Гипотеза о семантическом развитии слова в некотором смысле игнорирует хронологию; во всяком случае, хронология предстает как относительная, тем более, что значения, несомненно, идущие из древности, могут фиксироваться достаточно поздно: так, например, номинации для природных объектов (кроме 'пещеры') фиксируются лишь в XVII вв.

Обращение к выделенным на разных синхронных уровнях значениям 'пещера', 'ущелье', 'овраг', 'впадина' (природные объекты) позволяет выделить в них некий общий компонент: "пустота в объекте", при этом "объект" – часть рельефа, а "пустота" носит естественный характер. Речь идет о двух типах объектов, которые можно условно обозначить как овраг и пещера. Очевидно, что "пещера" противопоставлена "оврагу" ("впадине") с точки зрения расположения "пустоты" в пространстве: "пустота" может располагаться на горизонтальной (овраг) или вертикальной (пещера) плоскости¹². Таким образом, на отвлеченном уровне выявляются два набора компонентов смысла, соотносимые с конкретными (реализованными) значениями:

овраг	пещера
объект (часть рельефа) +	объект (часть рельефа) +
пустота естественного происхождения	пустота естественного происхождения
+ горизонталь	+ вертикаль

Оставаясь в границах фиксаций книжных (литературных) употреблений, трудно ответить на вопрос, каково соотношение между этими двумя наборами компонентов значений. Для построения гипотезы о развитии этих значений следует выйти за границы письменности.

Слово *вертеп* имеет диалектное значение 'поглощающая воронка, куда население отводит болотные воды для осушки земли'. Изучение семантики однокоренных типологически близких (суффиксальных) образований в родственных языках делает компонент "вода", проступивший в приведенном диалектном значении, еще более прозрачным, ср. болг. *въртоп* 'водоворот', сербохорв. *врѣмача* 'водоворот', сербохорв. *врѣмлог* 'омут', макед. *врѣтеж* 'водоворот', словен. *vrtimec* 'водоворот', а также лат. *vortex*, *vertex* в том же значении. Во всех этих лексических единицах "вода" мыслится как движущаяся субстанция, причем характер этого движения – вращательный (ср. рус. *водоворот*), а его источник – естественного происхождения.

Выявленное представление о движении по кругу хорошо соотносится с этимологией слова, восходящего к праслав. **vьrti*¹³. Г.А. Ильинский был прав, когда связывал первичное значение с семантикой корня¹⁴. Идея движения, присутствующая в корне, была понята им как 'извилистость', что является следствием сравнения объектов, названных в толкованиях (т.е. если сравнивать овраг и пещеру как объекты, то кажется, что идея движения больше соотносится с первым, поскольку он обладает свойством протяженности в пространстве, следовательно, имеет характерные изгибы).

Если же допустить, что компоненты "вода" и "движение" были присущи семантике слова в дописьменный период, то гипотетически можно предположить, что изначально пустота в объекте мыслилась лежащей именно на горизонтальной поверхности и что слово означало 'водоворот'. В процессе семантического развития произошла утрата компонентов "вода" и "движение", в результате чего возникло значение, которое

¹² Отметим еще, что характерным признаком объекта "пещера" может считаться наличие "входа".

¹³ Праслав. **vьrterъ* (**vьrtorъ*) образовано посредством суффикса **-ep-* (**-op-*) от праслав. глагола *vьrtěti* се.

¹⁴ Вместе с тем, отказ от признания данной этимологии верной при отсутствии гипотезы о другой этимологии делает рассуждения В.В. Виноградова принципиально неверифицируемыми.

можно было бы сформулировать как 'полость естественного происхождения (любой конфигурации) в земле'; как уже отмечалось, в русской письменности употребления, реализующие данную линию развития, фиксируются поздно, с XVII в. (ср., например, значения 'яма', 'овраг', известные моск., тул., калуж., смол. и перм. говорам, *вертеп*, *вертепник* 'труднопроходимое место в горной тайге' в говорах красноярск. края, производное диал. *вертепистый* 'покрытый оврагами', а также рум. *virtop* 'котловина, овраг', вероятно, заимствование из слав. языков, сербохорв. *вртоп* 'яма' польск. *wertep* 'непроезжие места').

Схематически данную линию развития можно представить следующим образом: 'водоворот' ⇒ 'воронка' ⇒ 'полость в земле' ⇒ 'местность, характеризующаяся большим количеством таких полостей' ⇒ 'места, где (из-за наличия большого количества таких полостей) трудно передвигаться'.

Вероятно, компонент "вода" мог в ослабленном виде ("влага") снова попасть в семантическую структуру слова. Если обратиться к данным говоров красноярск. края, то можно предположительно реконструировать смену объектов номинации, произошедшей в данных говорах, следующим образом: овраг на поверхности горы (вероятно, ассоциирующийся с представлением о влаге, плодородности и обильной растительности: «Вот где-нибудь лога, промоины и лес там всякий. И говорят: "Попал в вертепы"; отметим, что в ряде рус. диалектов словом *вертеп* называют возвышенность или холм, покрытый оврагами) ⇒ лес/гора, поросшая лесом ('Были и с сосной отдельные вертепики', "Вертеп к овражине относится: гора крутая и лес") ⇒ гора ("Вертеп – это большинство гора крутая, кручь")» [Опыт лесного словаря 1994: 11]. Словом *вертеп* могли называться и другие полости (разломы) горной породы, что отражено в использовании этого слова для номинации ущелья (ср. "В таких прощельях (ущельях) в вертепах, снег не тает") [там же: 11].

Утрата (или нейтрализация) компонентов "вода" и "движение" позволила перенести представление о пустоте, характеризующее объект, выделенный из общего рельефа, с плоскости, условно названной горизонтальной, на вертикальную, в результате чего появились употребления слова в значении 'полость естественного происхождения на вертикальной плоскости горной породы' ('пещера'), фиксирующиеся в русской письменности с XI в. Аналогичное употребление отмечено для ст.-слав. *врѣтъпъ* (в соответствии с греч. τὸ σπήλαιον, лат. *spelunca*), ср. еще сербохорв. *вртоп*, словен. *vrtep* 'пещера'.

В то же время пустота вне зависимости от ее плоскостей ориентации, могла восприниматься не сама по себе, а в соединении с идеей ее специального использования. Так, можно реконструировать представление о данном локусе как о потенциальном месте обитания животных, хотя значение 'логово дикого зверя', первая фиксация которого относится к XII в., мало представлено в текстах.

Впоследствии происходит продвижение слова из области номинаций собственно природных объектов в зону номинаций бытовых или же ритуальных реалий. Этому продвижению, вероятно, предшествовала актуализация потенциальных компонентов 'нечто скрытое, трудно доступное' (ср. греч. σπήλαιον 'пещера' ⇒ 'укромное место'). Таким образом появилась возможность употребления слова *вертеп* для обозначения любого потаенного укромного места, использующегося для того, чтобы там скрываться или для захоронений (фиксации значения 'место захоронения' ограничены отдельными памятниками XV–XVI вв.¹⁵).

Значение 'укромное место', отмеченное в русской письменности с XI в., отражало представление о локусе, облюбованном теми, кто имел основания скрываться от социума, в том числе святыми и преступниками¹⁶. Отрицательный потенциал, имевший,

¹⁵ Заметим здесь также, что у восточных славян существовала древняя традиция захоронений "нечистых" покойников (самоубийц) в непроходимых местах и оврагах.

¹⁶ Ср. определение данного значения в [ОЦРС 1834: 208]: 'пещера, полое в земле или горе место, в котором можно человеку или зверям скрываться, обитать и жить вместо дома или логовища'.

вероятно, достаточно древнюю мотивацию, получил дальнейшее развитие уже в контексте древнерусской культуры. Это произошло, видимо, благодаря влиянию книжности, а именно, частотности использования библейского стиха Ев. от Матфея 21, 13, от Марка 11, 17, в котором, в соответствии со ст.-сл. традицией, использовалось сочетание *врѣтъпъ разбойникомъ* (перевод греч. ληστῶν).

Появление значений, включающих представление о функциональном использовании локуса, реализует следующую схему развития семантики: 'пещера' (природный объект) ⇒ 'пещера' (природный объект, укромность) ⇒ 'пещера' (природный объект, укромность, место обитания зверя) ⇒ 'пещера' (природный объект, укромность, место укрытия) / 'пещера' (природный объект, укромность, место захоронения).

Вместе с тем, если данный локус обитаем, то в качестве такового он противопоставляется искусственным жилищам, уступая даже самым элементарным из них с точки зрения условий обитания. Значение 'жилище', возникшее в результате переноса 'пещера' (природный объект, пригодный для обитания, элементарные условия обитания) ⇒ 'жилище' (элементарные условия обитания), фиксируется впервые в XVII в.¹⁷

Как показала в своем исследовании В.В. Владимирская, в ограниченном количестве текстов представлено значение 'навес над стойлом, яслями'. Его появление объясняется не столько внутренними семантическими возможностями слова, сколько контекстом его функционирования, а точнее, трактовкой фразы "Христос родился в вертепе", поскольку местом рождения Христа наряду с пещерой может признаваться хлев. Как отмечает В.В. Владимирская, эта вторая традиция восходит к памятникам древнехристианского периода, где уточнялось, что Христос родился под навесом в яслях (ἐν τῇ φάτῃ). В этом значении слово употребляется в Никон. лет. XI (список XVI в.) и в Хождении Игнатия Смольнянина (XVI в. ~ 1405) [Владимирская 1968: 31 и сл.].

Таким образом, речь идет о процессе, когда слово, закономерно возникшее в устойчивом контексте и обозначающее в нем 'пещера' (место, где родился Христос), внутри определенной переводческой традиции было переосмыслено как 'место, где родился Христос' (ясли), откуда значение 'навес над яслями' (где родился Христос).

С культурно-историческим контекстом связана следующая линия развития семантики слова: 'место рождения Христа' ⇒ 'ящик с кукольным театром, в котором во время святков разыгрываются представления на библейские сюжеты (в том числе сцена рождения Христа)' ⇒ 'представление, разыгранное в таком театре'. Обычай устроения театральных представлений на Рождество (так называемых мистерий), одним из основных сюжетов которых являлось Рождение Христа, издавна существовал на западе, откуда и был воспринят Польшей, где они получили название *Szopka* из нем. *Schoppen* – 'хлев, сарай' (ср. укр. *шопя* 'навес', 'сарай'), тогда как в Белоруссии они были известны под названием *бетлеек* (от *Bethleem*)¹⁸. Вертепы как культурный феномен прекратили свое существование в XIX в., в силу чего данные значения находятся в зоне "потенциальных", при возрождении соответствующей традиции возможна их активизация.

¹⁷ Любопытно, что идея отстояния от некоторого эталона культурного места обитания представлена и в слове *дыра* (ср. совр. *Неужели мне всю жизнь придется провести в этой дыре?*).

¹⁸ На Украине первые вертепы появились в начале XVII в. (1600–1620 гг.), и их распространение связано с деятельностью Киево-братской школы и Академии. Первоначально инсценировки сцен библейской истории происходили в церкви. В Польше и на Украине вертеп представлял собой небольшой деревянный ящик, имевший два яруса, между которыми находился механизм для приведения кукол в движение. В верхнем ярусе представлялась серьезная часть действия, а в нижнем – шутливая интермедия. Вертепщик приводил в движение кукол и говорил за них. Представление часто сопровождалось пением кантов. Обычно зрителям показывали сцены поклонения пастухов, избития младенцев царем Иродом, плача Рахили и смерти царя Ирода. В Москве в вертеп было вставлено стекло, а марионетки были заменены картинками, появился раек – переносная панорама в виде ящика. Картинки в нее опускались на веревочке, а зрители смотрели в ящик через круглые отверстия (иногда со вставленными увеличительными стеклами).

Обратимся теперь к значению 'сад'. Опираясь на это значение, исследователи обычно рассматривают слово *вертеп* в целом как заимствование из ст.-сл. языка, в котором оно использовалось для передачи греч. ὁ κήπος, лат. *hortus* наряду со словами *врѣтъ* (ср. сербохорв. *врѣт* 'сад', 'огород'), *врѣтъпоградъ* (ср. рус. *вертоград*) [Виноградов 1994: 76]. Именно контаминацией с этими словами В. Георгиев объяснял появление значения 'сад' у ст.-сл. слова *врѣтъпъ* [Български език 1961: 302–305]. Действительно, значение 'сад' у данного слова в русской письменности зафиксировано лишь для узкого круга переводных текстов XI в., испытавших сильное влияние ст.-слав. языка. Вместе с тем, значение 'сад' может рассматриваться как конкретная реализация того, что на отвлеченном семантическом уровне может интерпретироваться в качестве фрагмента закономерной линии развития праслав. корня, производного от и.-е. основы **H₂er-t(h)*, на базе которой в и.-е. языках формировались слова со значением 'колесо', 'круг'. Можно предположить, что в основе значения лежит представление о круговой замкнутой линии (ср. литов. *vėrti*, латыш. *vērt* в значении 'нанизывать бусы', 'запирать'; польск. *wrząc* 'запереть', рус. диал. *вереть*, *завереть* 'запереть') или же о пространстве внутри такой мысленно проведенной линии.

В целом нет оснований считать, что слово *вертеп* заимствовано из ст.-сл. Точнее было бы сказать, что в текстах XI в. использовалась заимствованная из ст.-сл. лексема *вертеп* со значением 'сад'. Достаточно широкая фиксация других значений, имеющих типологические параллели в родственных языках, не позволяет полностью исключить возможность существования слова, но с иной системой значений (не включавшей значения 'сад') на великорусской территории в дописьменный период.

Итак, для построения гипотезы относительно истории семантического развития слова мы обратились к разным источникам: 1) письменным фиксациям; 2) диалектному материалу; 3) данным родственных языков; 4) этимологии. Такое непрерывное расширение базы для построения гипотезы позволяет учесть максимальное число линий развития и восстановить звенья, которые были утрачены или не представлены в книжной традиции.

В целом можно отметить, что преобразования семантической структуры слова были вызваны несколькими факторами: 1) внутренним развитием самой структуры (изменение в составе компонентов значения, например, 'водоворот' ⇒ 'воронка' ⇒ 'полость в земле' ⇒ 'местность, характеризующаяся большим количеством таких полостей'); 2) энциклопедическими знаниями об объекте номинации (например, 'местность, характеризующаяся большим количеством таких полостей' ⇒ 'места, где (из-за наличия большого количества таких полостей) трудно продвигаться'); 3) переводческой практикой (так сказать, "авторским" употреблением: 'навес над стойлом, яслями'); 4) наличием лакуны в лексической системе, возникшей после заимствования культурной традиции, которому сопутствовал, видимо, отказ от заимствования "чужой" номинации.

В результате действия разных факторов семантическая структура слова реализовывала разные типы полисемии – цепочечную (например, 'пещера' ⇒ 'укромное место') и радиальную ('полость в земле' ⇒ 'пещера').

III. ФАКТОР ПРОСТРАНСТВА

Переход от "портретирования" слова к построению его "биографии" можно описать как отказ от фактора времени, заданного в качестве статического, в пользу фактора времени как динамического начала.

Вместе с тем, если предположить, что "портретирование" слова, в том случае, когда оно оказывается связанным с фактором пространства (например, в случае описания слова (лексемы) той или иной диалектной системы на определенном синхронном срезе), реализует этот фактор как статический, то переход от "портретирования" слова к построению его "биографии" отмечен осмыслением фактора пространства также как динамического.

Принципиально важным в этом смысле кажется следующее рассуждение Н.И. Толстого: "Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции" [Толстой 1997: 15].

Так, можно отметить, что перегруппировка компонентов значения, продемонстрированная на примере истории слова *вертеп*, прослеживается также и в области сравнительной семасиологии, ср., например, болг. *въртоп* 'водоворот' и сербохорв. *вртоп* 'яма'; сербохорв. *вртоп* 'яма' и словен. *vrtep* 'пещера'.

Гипотеза о семантическом развитии слова может опираться не только на языковые данные, но и на эксперимент. Н.И. Толстой в ряде работ предложил методику для исследования типологии семантики (сравнительной славянской семасиологии), состоящую в моделировании некоторой семантической сетки (предельно широкого для заданного поля набора семем), через которую затем пропускаются отдельные лексемы [Толстой 1997: 21]. Этот метод, как кажется, может быть использован и для исторической семантики, также имеющей, в терминах Н.И. Толстого, "вероятностную основу".

Моделирование семантической сетки для одного слова (т.е. перечисление компонентов значения, извлекаемых из всего корпуса языковых данных, а также учет схем их комбинирования) позволяет выявить связанность отдельных компонентов (например, связанность компонентов "полость" и "объект (часть рельефа)": нет ни одного употребления, в котором произошла замена или утрата только одного из этих компонентов). Вероятно, компоненты смысла имеют также определенные сочетаемостные свойства, проявляющиеся в их способности комбинироваться или не комбинироваться тем или иным образом.

Моделирование семантической сетки (например, совокупность выявленных компонентов "вода", "движение по кругу", "полость (естественного происхождения с незамкнутыми краями)", объект ("часть рельефа"), "наличие входа", "горизонталь", "вертикаль", "функциональность", "укромность", "опасность", "аскетичность", "плодородность" и др.) можно считать реконструкцией семантического потенциала слова, который по-разному реализовывался в истории слова. Так, например, на сочетании изначально потенциальных компонентов "укромность" и "опасность" основано известное современному языку значение 'место, где собираются люди, не признающие юридических и нравственных законов общества'.

Реконструкция семантического потенциала слова позволяет соотнести глубинно-семантический уровень с реально зафиксированными значениями, что открывает новые возможности для исследования типологии развития значений (как внутри одной лексической системы, например, в рамках определенного поля лексики, так и при сопоставлении разных лексических систем).

Вместе с тем, гипотеза о семантическом развитии слова не только обогащает типологию, но и, в свою очередь, проходит корректировку данными типологии¹⁹.

Вопрос о типологии номинации полостей и семантического развития таких номинаций достоин отдельного подробного рассмотрения. Возвращаясь к рассмотренной выше гипотезе о развитии значений слова *вертеп*, приведем лишь некоторые отдельные параллели.

Можно предположить, что в основе многих древнейших номинаций различного рода полостей в природных объектах лежало представление о воздействии человека на данный природный объект (т.е. сравнение полостей естественного и искусственного

¹⁹ Ср. оценку "реальности" реконструируемых языковых моделей у Вяч. В. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе по критериям согласия системы с синхронными и диахроническими типологическими универсалиями (под последними понимаются общие схемы изменения и преобразования языков) [Иванов, Гамкрелидзе 1984: LXXXIII]. Характерно, что схожий принцип постулируется и для выбора наиболее адекватной модели синхронного описания, ср., например, формулировку А.Е. Кибрика: "При прочих равных условиях то описание предпочтительнее, которое типологически и диахронически наиболее правдоподобно" [Кибрик 1997: 31].

происхождения и отождествление их) В этом случае происходило уточнение по конкретному способу получения полости Так, например, название для полости в другом природном объекте – в древесной породе – праслав **dup(ь)lo/*dup(ь)lo* – является суффиксальным производным от **dura*, которое, в свою очередь, восходит к и -е **dheup(b)-/*dhoup(b)-* И -е корень связан, вероятно, с представлением о движении сверху вниз (надавливании), можно предположить, что праслав существительное **dura* имело значение 'полость, которая появляется при надавливании' Праслав отглагольное образование **dira/*dyra* также предполагало воздействие на объект, но иного характера (вероятно, разрывание объекта) тогда как праслав **jama* связано отношениями производности с и -е корнем, обозначающим копать' (ср греч *ῥῆμα* 'лопата', отметим, например, совр *рытвина*, образованное от глагола *рыть*)

Вместе с тем, можно предположить, что компонент значения 'вода' представляет типологический интерес Так, совр существительное *дебри* этимологически родственно слову *дупло* (праслав **dъbrъ (> *dъbrъ)* связано с и -е **dheu-b-*) Возможно, что данным словом обозначался некий локус, расположенный ниже принимаемого за образец горизонтального уровня (то, что является результатом надавливания") Если обратиться к другим рефлексам этой же и -е основы, например латыш *dubra* 'лужа топкое место', литов *Duburys* название реки, *dūburas* 'промоина в русле ручья, на лугу', др -ирланд *dobur* 'вода', словен диал *dobra* 'местность, богатая водой', польск стар *debrz* 'ров промытый водой', укр диал *дубир* 'русло потока', лат *Tiberis*, *Thybris* название реки, – то можно выдвинуть гипотезу о том, что другим компонентом номинации локуса была 'вода' Не исключено, что древняя основа могла соотноситься с руслом горной реки

Отметим еще, что слово *овраг* не бесспорное в этимологическом отношении исторически связывается, согласно существующей гипотезе, с семантикой 'подниматься, кипеть', в силу чего в качестве его старшего значения указывается 'бурлящий поток'

В семантическом развитии ряда слов, обозначающих полость в природном объекте, есть некоторые пересечения Слово *дебри* с XI в фиксируется в значении 'обрыв, крутой склон' (во многих древнерусских текстах оно использовано для перевода греч *ῥήφαρυξ* 'обрыв, пропасть' и 'крутой склон') Обобщая ряд контекстов, среди которых много 'темных' вероятно, точнее было бы говорить, что данная лексема служила для называния некоего локуса (крутой склон, ущелье, обрыв, пропасть), т е полости (разлома), обладающего признаками 'значительная глубина', 'крутизна' (ср чеш устаревшее *debř* 'ущелье, долина', чеш диал *debřa* 'крутизна, обрыв', польск *dziebraz* 'долина между гор', укр диал *дебир*, *дубир* 'крутой склон, взгорье', литов *dauburys* 'впадина, окруженная горами')

Вместе с тем, таким же образом мог обозначаться и другой тип рельефа, отличающийся от описанного выше меньшей амплитудой глубины, т е меньшей степенью разлома овраг, ров, вытянутое углубление в земле (ср литов *daubà* 'овраг лощина', славен *deber* 'овраг', чеш диал *debra* 'ров, рытвина' польск стар *debrz* 'овраг словин *dabřa* 'овраг')

Слово *дебри* имеет в своей семантической структуре компоненты 'влага плодородность' (ср отмеченные выше значения слова *вертеп* в говорах красноярск края) что позволило ему развить значение 'низина, поросшая растительностью (кустарником), лес' (ср название города *Брянск* (< *Дъбряньскъ, Дебрянск*), рус диал (сев) *дебря* 'лесная чаща', укр *дебр* 'глубокий овраг, поросший лесом', сербохорв *debrī* 'овраг в тесу', *Debr̂* 'название лесистой местности на правом берегу реки Сазавы название деревни в глубокой долине реки Изера', польск стар *debrz* 'лес')

Подобно слову *вертеп*, существительное *дебри* развило значение 'местность по которой трудно передвигаться'

Некоторые пересечения в развитии семантики со словом *вертеп* имеет лат *lacuna* и однокоренное ему *lacus* Для древнего корня, представленного в этих словах, реконструируется значение 'полость, заполненная водой' (ср *lacuna* в значениях 'болото

пруд, море' и *lacus* в значениях 'озеро, пруд, водоем, бассейн') Вместе с тем слово *lacuna* развило значение 'полость в земле' ('впадина, яма, рытвина борозда'), для *lacus* засвидетельствованы значения 'ров', а также 'полость в земле, имеющая специальное предназначение' ('яма для известкового раствора' яма для хранения овощей')

О возможной типологической связи значений 'пещера' и 'углубление в земле' свидетельствует наличие обоих значений, например, у словен *jama*, латин *specus* и *caverna*

Отметим еще, что в и-е языках значение 'тайное убежище для разбойников притон достаточно часто развивается при слове, обозначающем яма, пещера ср польск *spelunka*, сербохорв *jazbina*, франц *caverne*, итал *cava*, нем *Raubenhohle*, татыш *bedre* (при том, что наиболее распространенной моделью является появление данного значения у слова, использующегося для названия логовища животного ср англ *den* 'берлога', чеш *peleš*, словац *pelech* сербохорв *гнездо* латыш *perekļis* гнездо', *midzenis* 'берлога')

Таким образом, изложенная гипотеза о развитии семантической структуры слова *вертеп*, как кажется, не противоречит приведенным данным типологии

Обобщая все вышесказанное, можно предположить, что построению гипотезы о семантическом развитии слова в целом предшествуют несколько этапов

- учет всех зафиксированных употреблений слова в данном языке (апелляция к языку во всей его временной и территориальной протяженности),
- учет всех зафиксированных употреблений слова, являющегося рефлексом той же основы в родственных языках (апелляция к данным родственных языков),
- соотнесение корпуса зафиксированных значений с данными этимологии,
- выявление значения (круга значений), близкого к семантике которая реконструируется как исконная для данной основы,
- выявление значений между которыми существует генетическая (логическая) связь,
- выявление утраченных или пропущенных звеньев в развитии семантической структуры слова,
- выявление языковых и внеязыковых факторов, определивших обогащение или обеднение семантической структуры слова (исчезновение отдельных значений появление новых или же переход одного значения в другое),
- выявление языковых и внеязыковых факторов, повлиявших на ограничение или расширение функционирования значений,
- реконструкция семантического потенциала слова, выявление "связанных" и "свободных" компонентов смысла,
- сопоставление семантического потенциала слова (в соотнесении с зафиксированными значениями) с семантическими потенциалами других слов входящих в это же лексико-семантическое поле,
- сопоставление гипотезы о семантическом развитии слова с данными типологии

Таким образом, изучение семантической истории слова пересекается с многими областями лингвистики и – шире – филологии и истории (например, с текстологией, палеографией, историей культуры и др.) Возможно, именно эта область знания может служить своего рода лингвистическим экспериментальным полем для синтеза знаний и методов традиционно соотносимых с разными направлениями исследований

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БАС 1991 – Словарь современного русского литературного языка Т 2 СПб 1991
Български език 1961 – Български език XI София 1961
Виноградов В В 1994 – История слов М 1994
Владимирская В В 1968 – К истории слова вертеп в русском языке в связи с проблемой возникновения омонимов // Этимологические исследования по русскому языку Вып 6 М 1968
Жолковский А К 1964 – Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика 1964 Вып 8

- Иванов Вяч Вс Гамкрелидзе Т В 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры Т I Тбилиси 1984
- Иорданская Л Паперно С 1966 – A Russian-English collocation dictionary of the human body USA 1966
- Касарец Х 1958 – Введение в современную лексикографию М, 1958
- Кибрик А Е 1997 – Иерархии роли, нули, маркированность и 'аномальная' упаковка грамматической семантики // ВЯ 1997 № 4
- МАС 1981 – Словарь русского языка Т I М, 1981
- Мельчук И А Жолковский А К 1984 – Толково комбинаторный словарь современного русского языка Вена, 1984
- НОССРЯ 1997 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Первый выпуск Под общим руководством Ю Д Апресяна М, 1997
- ОЦСРС 1834 – Общий церковнославянско-русский словарь Т I СПб, 1834
- Ожегов С И 1990 – Словарь русского языка Изд 22-е Под ред Н Ю Шведовой М 1990
- Ожегов С И, Шведова Н Ю 1997 – Словарь русского языка Изд 4-е М 1997
- Опыт лесного словаря 1994 – Опыт лесного словаря На материале говоров Красноярского края Ч I Красноярск 1994
- СИ 1991 – Семиотика и информатика Вып 32 Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей) М, 1991
- Сл др русск 1988, 1989 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв) Т I М 1988 Т II М, 1989
- Сл рус яз XVII 1984, 1987 – Словарь русского языка XVIII в Правила пользования словарем Указатель источников Л, 1984, Вып III Л 1987
- СлРЯ XI–XVII 1971, 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв Вып I М, 1971 Вып II М, 1975
- Ушаков Д Н 1994 – Толковый словарь русского языка / Под ред Д Н Ушакова Т I М 1994
- Толстой Н И 1997 – К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии // Н И Толстой Избранные труды Т I Славянская лексикология и семасиология М, 1997